

Глава 25. Закуска к вину

Ранним утром Е Му поднялся с постели, привел себя в порядок и направился к выходу, на ходу раздумывая, не заглянуть ли на перекресток за паровыми баоцзы с крабовой икрой, которые так любил Е Мин.

Но стоило ему распахнуть дверь, как он обомлел. Прямо посреди двора, на самой толстой ветви раскидистого дерева, вольготно устроился гость. Полы его роскошного, расшитого узорами одеяния живописно свисали вниз, а сам он лениво потягивал вино прямо из горлышка покачивавшегося в руке кувшина. Совсем рядом притаилось птичье гнездо. Встревоженная парочка пернатых с писком и шумом кружила поблизости, а из самого гнезда высовывались крошечные пушистые комочки. Ничего не понимающие птенцы широко разевали желтые клювы, требуя корма.

Несмотря на весь этот переполох, незванный гость сидел неподвижно, точно изваяние. Он неторопливо прикладывался к кувшину и блаженно шурился, явно пребывая в превосходном расположении духа.

Е Му шумно вздохнул и покачал головой:

— Хэ Лян, ты явился ко мне ни свет ни заря только ради того, чтобы изводить несчастных птиц?

Хэ Лян перевел взгляд с трепещущего на верхушке листа на хозяина дома и мягко улыбнулся:

— О, ты как раз вовремя! Нечасто я заглядываю к тебе в гости, да еще и с добрым вином. А птицы эти, признаться, чудо как хороши. Будь добрым хозяином, зажарь их к столу — выйдет отличная закуска. Уверен, вкус будет отменный.

Е Му смерил взглядом птенцов, которые едва ли достигали размера половины ладони, скользнул взором по кувшину Хэ Ляна — тот держал его горлышком вниз, и за несколько секунд оттуда едва выдавилась одинокая капля, — и, наконец, всмотрелся в лицо гостя. На нем блуждала непривычно благодушная улыбка. Подойдя ближе к дереву, Е Му принялся.

Запах перегара стоял невообразимый. Казалось, Хэ Ляна сначала искупали в бочке с вином и лишь затем вытащили наружу.

Мысленно вздохнув и подавив нахлынувшее при виде друга волнение, Е Му задрал голову и мягко, словно обращаясь к капризному ребенку, позвал:

— Спускайся. Пойдем на кухню, посмотрим, что там можно сообразить на закуску.

— Идет. Признаться, я еще ни разу не пробовал твою стряпню, — отозвался Хэ Лян.

Он спрыгнул с ветки. Движение вышло быстрым, но вот приземление подкачало: покачнувшись, он едва не растянулся на земле. Впрочем, Хэ Лян тут же восстановил равновесие и виновато рассмеялся:

— Ох, прошу прощения. Какая неловкость.

«Точно пьян в стельку», — подумал Е Му.

Но вслух он ничего не сказал. Послушный, как ручной пес, Хэ Лян зашагал следом на кухню. Походка его была на удивление твердой — не знай Е Му, насколько стремителен и легок этот человек в обычное время, он бы ни за что не заподозрил неладное.

Оглядев пустую кухню, Хэ Лян повернулся к Е Му и с улыбкой спросил:

— Ну и где же обещанное угощение?

Придвинув ему длинную скамью, Е Му ответил:

— Присаживайся и подожди немного. Все сейчас будет.

— Что ж, сгораю от любопытства, — покорно согласился Хэ Лян и уселся.

Даже будучи пьяным, он сидел с безупречной осанкой — спина прямая, плечи развернуты. Не выпуская из рук пустой кувшин, он завороченно наблюдал за тем, как Е Му хлопчет у очага.

«Что же должно было стрястись, чтобы он набрался до такого состояния?» — размышлял Е Му, разводя огонь под котлом.

Он решил сварить простую рисовую кашу. К настоящему моменту в этом мире, так напоминающем древний Китай, он освоил лишь одно нехитрое кулинарное дело — варку жидкой каши. С ней сложно ошибиться: пусть разварится посильнее, лишь бы крупа не осталась жесткой. Главное — налить побольше воды, тогда ничего не подгорит.

Выбери он в игре кулинарное ремесло, то, судя по великолепному вкусу свинины в красном соусе из его инвентаря, вполне мог бы прослыть здесь величайшим поваром. Но Е Му не сокрушался о нехватке этого навыка: еда — вещь простая, лишь бы насыщала. Намного полезнее он считал ковку оружия и изготовление доспехов.

Накрошив в котел горсть свежей зелени, он бросил щепотку соли и помешал варево. Когда рисовые зерна разбухли и лопнули, завтрак был готов.

Зелень отдавала зеленым, разваренный рис — пресным рисом, и лишь едва уловимая солоноватость связывала их воедино. Шедевром это блюдо назвать было трудно, но, по крайней мере, им нельзя было отравиться.

Наполнив чашу и вложив в нее ложку, Е Му протянул ее гостю:

— Прошу. Твоя закуска.

Хэ Лян задумчиво уставился на сиротливые зеленые листики в мутной жиже и со вздохом произнес:

— Зря я надеялся на чудо. Но за смелость — хвалю.

Тем не менее он послушно принял чашу, отставил многострадальный кувшин и принялся за еду. Ел он не торопясь, с присущим ему изяществом.

Е Му налил себе порцию и быстро с ней расправился. Но стоило ему поставить пустую посуду на стол, как перед его носом снова выросла пиала Хэ Ляна.

— Добавку дают? — с улыбкой спросил гость.

Молча покачав головой, Е Му наполнил пиалу до краев.

Вскоре котел опустел. Хэ Лян поднялся со скамьи и с улыбкой поклонился:

— Спасибо за угощение. Долг платежом красен, так что этот кувшин теперь твой. — Он небрежно махнул рукой. — Что ж, я сыт и пьян, пора и честь знать.

Заметив красную сетку лопнувших сосудов в глазах друга, Е Му нахмурился:

— Может, выпишься сначала? Постель чистая, да и сменная одежда найдется.

Хэ Лян на секунду задумался, силясь сосредоточиться, а затем кивнул:

— Пожалуй. Где моя комната?

Пока Е Му грел воду, таскал ведра и наполнял бадью, добиваясь нужной температуры, Хэ Лян сидел на краю постели и с любопытством рассматривал скромное убранство комнаты.

— Готово, — Е Му положил на сундук стопку белья. — Одежду оставляю здесь. Мы примерно одного роста, так что вещи должны подойти — они новые, я их еще ни разу не надевал. Устраивайся, а я пойду.

Он поспешил к выходу, благоразумно решив не испытывать собственную силу воли.

— Е Му, — негромко окликнул его Хэ Лян.

Е Му замер у самого порога и оглянулся. Хэ Лян впервые назвал его по имени, и голос его прозвучал неожиданно глухо.

Гость даже не посмотрел на него. Прикрыв глаза, он откинулся на спинку кровати с блеклой улыбкой и уставился куда-то в потолок.

— Империя решила бросить захваченные земли. Подкрепления не будет.

«... Они все еще живы», — Е Му мысленно вывел перед глазами карту системы и убедился, что зеленые точки на ней по-прежнему слабо светятся.

Его сердце слегка сжалось. Состояние Е Нуань пока оставалось стабильным — внутри прозрачного кристалла она уже выглядела как хрупкая девочка лет четырнадцати. Е Му понимал: ему нужно выкроить время и отправиться в город Чанъи, чтобы оценить обстановку на месте.

— Твой названный сын ведь тоже там, в Чанъи? — спросил Хэ Лян. — Не боишься за него?

Выдержав паузу, Е Му ответил ровно и даже немного отстраненно:

— Сделай всё, что в твоих силах, а остальное предоставь судьбе. Каждый сам отвечает за свой выбор.

И он не лукавил. Тревога грызла его изнутри, но Е Цан сам принял это решение. Пока дети

были глупы и малы, Е Му направлял их, выбирал для них лучшую долю и оберегал от невзгод. Но когда они повзрослели, пришло время разжать пальцы и позволить им самостоятельно держать ответ перед миром. Сердце его болело за сына, но разум твердил: раз поступок был осознанным, любой исход придется принять.

— Каждый отвечает за свой выбор, — эхом отозвался Хэ Лян и лениво усмехнулся. — Ну ладно, я в воду. Не буду тебя задерживать.

Он потянул за узел шелкового пояса.

Е Му, не глядя в его сторону, вышел из спальни и аккуратно притворил за собой дверь. На обратном пути он заглянул на кухню и прибрал пустой винный кувшин.

Какие бы планы ни строились на будущее, сейчас следовало позаботиться о малом — сходить на улицу и купить завтрак для Е Мина.

В это же время на стенах города Чанъи царил хаос. Каменная кладка была изрыта выбоинами, парапеты превратились в груды щебня.

И хотя после памятных событий натиск демонов загадочным образом ослабел, а новые механические самострелы позволили ученикам Башни Пронзающего Перья безжалостно разить врага с безопасного расстояния, полчища тварей казались бесконечными. Осажденный город медленно, шаг за шагом, задыхался в тисках врага.

В главном шатре наступающей армии, развалившись на гряде костей, восседал Демон, плетущий сети. Его уродливые суставчатые лапы, густо покрытые жесткими волосками, возбужденно подергивались, а огромные выпуклые глаза-плошки непрестанно вращались. Тварь уже предвкушала триумф, лениво раздумывая: сожрать ли первым делом человеческого детеныша для аппетита или сразу загрызть какого-нибудь мясистого воина понаваристее?

Жалкая изолированная крепость. Как бы яростно ни защищались эти букашки, падение города оставалось лишь вопросом времени.

Вдруг тяжелый полог шатра взметнулся, и внутрь без доклада ввалился свирепый Яростный демон.

Хозяин шатра в ярости взвизгнул, угрожающе вскинув суставчатые конечности:

— Какая гнида посмела нарушить мой покой?! Смерти ищешь?!

Пришелец рухнул на колени, распластавшись по грязи, и высоко поднял костяную табличку-пропуск:

— Пощадите, генерал! Господин Магистр велит вам немедленно свернуть осаду и уводить войско к речной переправе!

— Магистр?! — Демон, плетущий сети, замер. Одна из его лап скользнула вперед, подцепила острым когтем табличку и поднесла к самой морде.

Уставившись на нее раскосыми бельмами, вожак долго разглядывал тайные знаки, после чего недовольно заверещал, молотя лапами по воздуху:

— Да мы почти взяли эту крепость! Еще день! Нет, полдня — и город падет! Я прямо сейчас погоню всех на штурм, людишки долго не продержатся!

Вестник задрожал всем телом, но, заикаясь от ужаса, все же выдавил:

— Ге-генерал... Господин Магистр велел выступать сей же час! В случае не-неповиновения вас объявят предателем и... казнят на месте.

Демон, плетущий сети, внезапно затих. Его длинная лапа медленно опустилась, возвращая табличку вестнику.

Тот с облегчением протянул лапу, но в это мгновение за его спиной бесшумно взмыла другая конечность генерала. Острый коготь, подернутый ядовитой зеленоватой дымкой, со свистом обрушился вниз, пригвоздив несчастного к земле.

Посланник забился в предсмертных судорогах. Его плоть на глазах потемнела и иссохла, и через секунду он испустил дух.

Выдернув лапу из трупа, Демон, плетущий сети, брезгливо покачал табличкой перед своей мордой:

— Ничтожная тварь... Вздумала поучать меня, прикрываясь именем этого выскочки? Да кем он себя возомнил?

Взмах конечности — и костяная пластина взмыла под купол шатра, где была мгновенно расколота пополам сокрушительным ударом лапы.

Отбросив обломки, вожак, перебирая многочисленными лапами, поспешил наружу. Из его пасти вырвался пронзительный визг, разнесшийся над лагерем:

— Свернуть лагерь! Мы отступаем!

Ну ничего. Он обязательно припомнит это и при первой же возможности нашепчет Богу демонов парочку ласковых слов об их драгоценном «Магистре».

Однако Е Му так и не успел решить, стоит ли ему оставаться подле Е Нуань или же поспешить на выручку защитникам Чаньи. Судьба сама сделала выбор, столкнув его с неожиданной угрозой.

На следующий день, во время обычного выноса кристалла под солнечные лучи, барьер вокруг Е Нуань вдруг яростно запульсировал радужными сполохами, а затем с тихим хлопком растворился в воздухе.

Похолодев от страха, Е Му судорожно развернул системную карту. Отыскав взглядом зеленую точку, обозначавшую его дочь, он в изумлении замер.

Она указывала прямо на Лагерь Большой Медведицы.

«Пробуждение Е Цана произошло на территории его ордена, в Зале Семи Убийств... Неужели перерождение Нуань-нуань как-то связано с местом ее силы?» — подумал он.

Как бы то ни было, медлить нельзя. Лагерь Большой Медведицы располагался на севере Срединных равнин. Путь туда из столицы предстоял неблизкий, но на спине Цзяло он мог преодолеть это расстояние за считанные часы.

По крайней мере, он надеялся на легкую дорогу. Ровно до тех пор, пока с высоты птичьего полета не разглядел на земле бесконечную черную змею вражеского войска, которое целеустремленно и грозно ползло в сторону Лагеря Большой Медведицы.

<http://bllate.org/book/18186/1759004>